

11. Шахназаров Г.Х. Интервью //Независимая газета. Независимое военное обозрение. 1998. №33.
12. Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М.: Вагриус, 2001. С. 63.
13. Электронная библиотека Випперсона // URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=10899>.
14. См. последнюю статью Шахназарова Г.Х. Команды у Путина еще нет // Век. 2001.-№19. С.3.
15. Шахназаров Г.Х. Откровения и заблуждения теории цивилизаций: Учеб. Пособие. М.: Современный гуманитарный ун-т. 2000.
16. Шахназаров Г.Х. Современная цивилизация и Россия / Пред. М.С.Горбачева. М.: Воскресенье, 2003.

УДК 338.222

Терещенко С.М.

Акторы экономической модернизации: социокультурный анализ

В настоящей статье в рамках разработки проблемы социально-культурного аспекта модернизирующих процессов в постсоветской России, проводится анализ акторов процессов реформ, на региональном уровне. В контексте концепта теории элит, делается исследовательский акцент на генезисе бизнес-элиты Ростовской области.

Ключевые слова: модернизация, Донской регион, акторы реформ, бизнес-элиты, «человеческий капитал», «социальный капитал», экономическая ментальность.

Сегодня в экспертных российских и зарубежных кругах не вызывает сомнений тезис об обусловленности экономического прогресса культурными факторами страны. Но не до конца выяснен механизм влияния культуры на политику или экономику. Остается открытым вопрос о приоритетах: изменить экономически «непродуктивную культуру» или «подстроить» под нее реформы, если автохтонная культура становится барьером на пути модернизирующих процессов? В настоящей статье на социокультурном материале Ростовской области будет эмпирически верифицирован тезис об отсутствии в регионе того качества «человеческого капитала» экономического актора, который бы являлся имманентным предложенной модели либеральных реформ

В программной статье президента РФ Д.А.Медведева «Россия вперед!» были обозначены общие контуры характеристик нового российского экономического субъекта, адаптированного к обществу модерна. Прежде всего в нем должны быть нивелированы патерналистские настроения/и присутствовать "желание «делать себя», достигать шаг за шагом личных успехов". Также это должны быть научно-творческие и просто творческие молодые люди [1]. Но какой экономической субъект генерировался в ходе двадцатилетних реформ в России? Обусловим возможные методики анализа его культурных и экономически - хозяйственных характеристик.

Адаптационный социальный потенциал модернизации оценивается целым рядом объективных и субъективных факторов. Определяющим детерминантом являются здесь ресурсы индивида, способствующие вхождению его в новую социальную группу. В современной социологии и политологии используется следующая классификация используемых ресурсов (капитала): «физический капитал» - воплощен в материальных формах; человеческий капитал» -социально-демографические факторы

адаптации, в том числе проявляющийся в приобретенных индивидом навыках и знаниях: пол, возраст, уровень образования, демографический тип семьи, профессия, квалификация и т.д.; «социальный капитал» - система социальных связей индивида, его возможности ориентации в институциональной среде, понимание социокультурных сигналов и норм поддерживающих хозяйственные взаимодействия. Например, дружеские контакты между коллегами по службе и более широкие контакты, благодаря которым можно использовать свой финансовый и человеческий капитал (Р. Барт).

Основная работа разработки методологии исследования социокультурной детерминации экономического поведения сегодня ведется в рамках лаборатории Социально-психологических исследований Центра фундаментальных исследований (ЦФИ), ГУ-ВШЭ (Высшей школы экономики). В рамках проекта, реализованного сотрудниками лаборатории социально-психологических исследований ЦФИ, была разработана психологическая структура социального капитала следующего варианта: доверие (уровень и радиус); социальная сплоченность; единая идентичность (гражданская или общероссийская); взаимная толерантность; общность ценностей [2, с. 6-8]. Существуют и иные дефиниции: на уровне психологии экономического сознания. О. Дейнека [3] включает в структуру экономического сознания следующие компоненты: 1) экономические эмоции и чувства; 2) перцептивную сферу экономического поведения; 3) экономические представления и экономическое мышление; 4) экономические мотивы; 5) экономические нормы; 6) экономический интерес. А. Филиппов и С.Ковалев выделяют шесть иных подструктур (конструкторы) в структуре экономического сознания [4].

Другой исследовательский подход связан с методикой исследований социальных групп элит департамента изучение элиты Института социологии РАН. Основными методами изучения российской элиты стали: неформальные глубинные интервью; экспертные опросы; наблюдения (как невключенные, так и включенные); изучение официальных биографий; контент-анализ прессы; анализ документов и статистики [5, с. 13]. Для фиксации динамики социально-демографических показателей бизнес - элиты руководитель департамента О. Крыштановская использовала следующую структуру опросника: возраст; пол; место рождения; образование; социально-профессиональный бэкграунд.

В классической концепции модернизации успех в трансформируемом не западном обществе должен был прийти к наиболее трудоспособным, молодым, деятельным и просвещенным членам общества. Но практика реформ в РФ 1990-х гг. показывает, что различные трансформируемые культуры имеют свою специфику перехода к обществу модерна. Социолог Н. Тихонова дифференцировала российское общество начала реформ 1990-х гг. на три большие группы с принципиально разной ментальностью: примерно треть россиян «носители патерналистско-эгалитаристского типа ментальное™»; вторая группа «индивидуалистически-либеральный тип ментальности»; третья группа (примерно половина населения России) представляет собой некий «промежуточный тип». [6, с. 19-51].

Бизнес-элита государства является актором реформ и тем полноценным маркером, который детерминирует качественные характеристики «человеческого капитала» преобладающего в стране экономического субъекта. Начальные этапы становления бизнес-элиты в России (1988 - 1989 гг.) были классифицируемой О. Крыштановской как эпоха «комсомольской экономики». В это время государством были приняты целый ряд нормативных актов способствующих формированию в стране

двух основных категорий буржуа: «номенклатурного» (буржуа «сверху» - будущая олигархия) и буржуа «снизу». На рубеже 1980-90-х гг. экономические акторы реформ формируются государством латентным способом «сверху» из среды партийных чиновников и комсомольских работников. Значительная часть советской партийно-хозяйственной номенклатуры в годы горбачевских реформ конвертировала политический и управленческий капитал в капитал экономический. Возникает буржуазия из "класса уполномоченных ставленников советской номенклатуры в бизнесе, воспитанных в условиях плановой системы"[5, с.374].

Создание этой новой социальной группы - «номенклатурных бизнесменов» (или «уполномоченных») не привело к генерации полноценных акторов модернизирующих процессов в РФ 1990-х гг., так как уникальных предпринимательских талантов и развитого «духа капитализма» (М.Вебер) от бизнесменов и не требовалось. Успех крупного бизнеса в РФ 1990-х г. основывался на близости к бывшей партийной и хозяйственной верхушки. В итоге этого социального эксперимента к началу 1990-х гг. РФ получила «капитализм без капиталистов», так как у «комсомольских бизнесменов», а также «назначенных» быть бизнесменами советских чиновников и партийных работников, в ментальноеTM их постсоветской трудовой этики, было полностью элиминирована духовная составляющая, важнейший сегмент генезиса классической западной экономической ментальности, обусловленной в работах М.Вебера и В.Зобарта [7]. Будущая бизнес-элита РФ (М.Ходорковский, Р.Абрамович и др.) была представлена комсомольцами - циниками и другими молодыми людьми, близкими к власти, при отсутствии у них всяких морально-этических принципов.

Учитывая особенность объекта исследования, в основе будет использована методика опросника департамента изучение элиты Института социологии РАН, но с коррекциями и дополнениями. Дополнением будет пункт о ценностях трудовой и нравственной этики (данные взяты из декларации, указанных в выборных официальных биографиях бизнесменов Ростовской области). В своем эмпирически виде этот критерий становится одним из тех маркеров, следуя которому, возможно осуществить дефиницию экономического субъекта на: веберовский тип (пост протестантский) - имманентный модели классической модернизации и современный, постмодернистский тип (генерированный на Западе в ходе процессов «культурной революции» 1960- 1970 -х. гг.).

Рассмотрим социокультурные факторы генезиса субъектов экономической модернизации Ростовской области и этапы формирование официальной бизнес-элиты в Донском регионе. Основываясь на 54 официальных биографиях[5]представителей ведущего донского бизнеса 1990-х - начала 2000-х гг., сделаем ее обобщающий социально-психологический (ментальный) портрет. Выборка биографий производилась по следующим критериям, служащих вехами трудовой биографии когорты донских предпринимателей: конец 1980-х - начало 90-х гг. - занятие должности директора госпредприятия, впоследствии приватизированного акционерного общества; работа в кооперативном движении конца 1980-х - начало 1990-х гг.; начало занятия бизнесом: конец 1980-х - середина 1990-х гг.; занятие должности генерального директора государственного или коммерческого предприятия в период экономического кризиса 1998- 1999 гг. Именно эта когорта донских предпринимателей и сформировала ту региональную специфику культуры ведения бизнеса, которая сохранила свою доминанту и сегодня.

Из исследуемых по данному пункту 54 биографий выборка была произведена только из тех, кто участвовал в кооперативном движении конца 1980-х или же в

первой половине 1990-х гг. начал заниматься бизнесом «снизу» (кооперативы и т.д.). В то же время в подавляющем большинстве (более 80%) кооперативы 1988-1989 гг. были образованы при государственных предприятиях, а число занятых в таких кооперативах превышало 90% занятых во всем кооперативном движении (в 1990-1991 гг. стали развиваться арендные предприятия). Исходя из этого, биографии директорского корпуса государственных предприятий конца 1980-х - начала 1990-х гг. (ставших затем акционерными обществами) учитываться, не смогут, так как занятие бизнесом этой категории исследуемых в период до официальной приватизации госпредприятий носило латентный характер в официальных биографиях, как правило, не отраженной. Родители.

Из исследований российской элиты О. Крыштановской следует, что "... среди тех 39% предпринимателей, которые никогда не работали в органах власти, многие были выходцами из номенклатурных семей. Так у 36,8% отцы являлись номенклатурными работниками, а у 18% -матери" [5, с. 342].

В выборных биографиях бизнес-элиты Дона 1990-х гг. не всегда четко можно выявить наличие «партийного сегмента». Более выражен следующий факт: дети добиваются успеха в той сфере деятельности, где их родители уже занимали ключевые посты в руководстве. Здесь следует отметить, что любая ключевая должность в хозяйственной региональной номенклатуре СССР, а затем и России, открывала социальные лифты. Так, если отец начинающего бизнесмена 30 лет работал в строительстве, а мать - в облисполкоме начальником одного из отделов пищевой промышленности Ростовской области, то неудивительно, что сын добивается успеха именно в строительном деле, становясь заместителем управляющего союзного строительного треста, а затем, в 1990-х гг. генеральным директором крупнейшего строительного научно-производственного объединения. В целом удалось проследить «партийный», или «родительский след» в 9 биографиях выборки (17%) бизнес-элиты Дона. Но естественно, что «родительский след» более значителен. В официальных биографиях во многих случаях не приводятся данные биографий родителей или же говорится о том, что на момент составления автобиографии родители являлись пенсионерами. Объективные данные (в том числе эксклюзивные, имеющиеся у автора настоящего исследования), вероятно, будут близки к общероссийским показателям выявленной О. Крыштановской, то есть составят около 30% от общей когорты донской бизнес-элиты. Социально-профессиональный бэкграунд.

О. Крыштановская констатирует, что многие индивиды, относящиеся к группе российской бизнес-элиты, ранее работали в органах власти. Из них были на партийной работе -13%), на комсомольской -37%, работали в исполкомах Советов народных депутатов -4,3%, на номенклатурных должностях в министерствах и ведомствах -37%, в других органах власти -8,6%. [5, с. 342]. Специфика официальной донской бизнес-элиты 1990- х. гг. состоит в том, что ярко выраженных представителей партийной и комсомольской номенклатуры здесь нет. Из выборочных биографий лишь небольшой процент исследуемых были ранее связаны с комсомольской или партийной номенклатурой. Наибольший процент - это представители хозяйственной номенклатуры Дона. Под ними следует понимать представителей директорского корпуса, которые в период латентной приватизации 1989 - 1992 гг. возглавляли или входили в управление крупных государственных предприятий области (такие должности, безусловно, имели характер номенклатурный - назначение и согласование из касты «избранных»). Характерный пример представителей таких биографии -Т. Ядлось и М.Нагибина. Т. Ядлось в 1986 г. - исполняющий обязанности управляющего

треста «Ростовтрубопроводстрой», затем начальник ПО «Южтрубопроводстрой», а после его акционирования в 1993 г. - гендиректор ОАО «Южтрубопроводстрой» (физические лица владели 40% акций предприятия). М. Нагибин с 1980 г. - директор Росвертола, который в 1992 г. был преобразован в акционерное общество (учредитель - трудовой коллектив: 69% акций - физические лица, 32% акций - юридические лица). Итак, всего выходцев из номенклатуры - 37%. В том числе: комсомольской - 0%; партийной - 1.8%; советской - 1.8%; хозяйственной - 31.4%.

Результаты контент-анализа биографий показывают, что в структуре бизнес-элиты Дона 1990-х - начала 2000-х гг. фактически не прослеживаются представители так называемой «первой волны» (О. Крыштановская) - пришедшие в коммерцию в 1988 г. из комсомольской номенклатуры. Почему?

«Комсомольская экономика» представляла собой искусственный элитарный московский main stream, который в регионах практически не проявлялся. Периода так называемой «комсомольской экономики» (1986 -1989 гг.) - отмечаемой О. Крыштановской на общероссийских выборах, на Дону, фактически не существовало. Если представители такой экономики и были, то мало кто в биографии хотел указать свое комсомольское или партийное прошлое. В официальных биографиях встречаются сведения о работе в ВЛКСМ, но нигде не отражено, что кто-то из исследуемых занимал должности в ВЛКСМ именно в интересующие нас периода конца 1980-х -начало 1990-х гг. или участвовал в это время в создании ЦНТТМ, МЖК и МЦ. Только 63% анализируемых биографий никогда не работали в органах партийной и хозяйственной власти СССР. Но многие являлись выходцами из номенклатурных семей. В официальных биографиях встречаются сведения о работе в ВЛКСМ, но нигде не отражено, что кто-то из исследуемых занимал должности в ВЛКСМ именно в интересующие нас периода конца 1980-х -начало 1990-х гг. или участвовал в это время в создании ЦНТТМ, МЖК и МЦ.

Только 63% анализируемых биографий никогда не работали в органах партийной и хозяйственной власти СССР. Но многие являлись выходцами из номенклатурных семей.

В целом результаты контент-анализа биографий бизнес-элиты Дона 1990-х - начало 2000-х гг. схожи с результатами полученных О. Крыштановской. В целом результаты контент-анализа биографий бизнес-элиты Дона 1990-х -начало 2000-х гг. схожи с результатами полученных О. Крыштановской. Следует отметить, что если представители так называемой «первой волны» вхождения в бизнес-элилу (выявленных по общероссийским данным) в донскую бизнес-элилу практически не прослеживаются, то четко детерминируется «вторая волна» вхождения в бизнес: 1991 - 1994 гг. Прежде всего, она связана с началом массового акционирования государственных предприятий, а также созданием государственными чиновниками фирм «под себя» (через подставных управленцев.). Около 45% исследуемых биографий бизнес-элиты Дона 1990-х гг. отражают ситуацию, когда открытие собственной фирмы или занятие должности генерального директора в акционированном предприятии приходится на период 1991 - 1994 гг., с пиком в 1993 - 1994 гг. В общероссийских масштабах представителей этой «второй волны» вхождения в бизнес 1991 - 1994 гг. также представлял собой класс «уполномоченных».

Следующая волна «приватизации» Дона связана с экономическим кризисом 1998-1999 гг. (до 2001 г. включительно). После его завершения, в регионах началась борьба (или скупка) московских бизнес-структурами (представителями бизнес-элитой, как правило, зарегистрированных в Москве) за ликвидные промышленные

фонды (находящиеся тогда в критическом экономическом положении). Этот передел собственности был не таким знаковым, как в середине 1990-х гг., но в то же время около 22% исследуемых биографий бизнес-элиты отражают ту ситуацию, когда открытие собственной фирмы или получения должности генерального директора в частном предприятии приходится именно на период с 1998 г. по 2001 г. Безусловно, что не все данные о вхождении в бизнес-элиту Ростовской области в 1998-2001 гг. непосредственно связаны с указанным переделом собственности, но здесь следует также учитывать и общую благоприятную обстановку среды вхождения в бизнес на том или ином рынке. Это связано с тем, что кризис 1998 г. выбил из занимаемой ранее ниши часть прежних игроков.

В анализе ценностей трудовой этики бизнес-элиты Дона следует отметить что, несмотря на то, что в декларируемом рейтинге аксиологии их хозяйственной этики лидирует принцип порядочности, непредвзятые данные, особенно бизнесменов 1990-х гг. «снизу», указывают на то, что акторов реформ - имманентных классической модернизационной модели - практически не встречается. Полученные на региональном уровне результаты, коррелируются и с общероссийскими данными. По мнению одного из представителей школы институционального направления Р. Нуреева, с точки зрения власти-собственности переход реальных прав собственности к предприятиям • предопределил распад СССР. Однако упадок института централизованного государства еще не означал развития настоящей частной собственности, потому что доминирующими владельцами стали не настоящие частные собственники, а бывшие директора предприятий и руководство региональных администраций, сохранившие традиции власти как собственности [8, с. 18].

На региональном уровне Дона «красные директора» - часть советского директората, которая вовремя сориентировалась и приняла новые правила игры (продиктованные сменой эпох - бифуркационной точки развития), в период 1990 - начала 2000-х гг. занимала доминантное положение в местной бизнес-элите. Представители «новых русских» «снизу» (в том числе, и представители криминального бизнеса, которых использовали для силового передела собственности) были в середине 1990-х гг. не настолько сильны, чтобы конкурировать с «красными директорами» - опирающихся на административный ресурс, за передел государственной собственности

Выводы: новая капиталистическая «номенклатура» Донского региона, социализация которой проходила в традициях советской плановой экономики и монопольного обладания властью, оказалась не способной эффективно проводить экономическую модернизацию базовых отраслей промышленности. Поскольку экономическая ментальность является частью неформальных институций, имеющих инвариантный характер (концепция *path dependence* или «эффект колеи»; П. Дэвид и Б. Артур), то следует отметить, что трудовая этика российского бизнеса за более 20 лет реформ не претерпела сколь-нибудь существенной трансформации. Эксперт Б. Щербаков пишет, что знакомство с западным не изменило саму ментальность российских менеджеров. В ближайшей исторической перспективе не возможна серьезная конвергенция стилей управления, как невозможна и конвергенция национальных менталитетов людей разных культур. [9].

Средний и мелкий бизнес региона также остался в поле неформальных институций (во многом полукриминальных), сложившихся еще в 1990-е гг. распространяются и на экономику. Отсутствие социальных лифтов распространяются и на сферу экономики. Без административного ресурса новый бизнес практически не имеет перспектив войти в рынок и вырасти в крупное производство. Все это, а также иные

негативные социокультурные факторы (например, общее падение качества «человеческих ресурсов»; отсутствие социальных лифтов в стране и др.), ставят под сомнения перспективы заданные параметры либеральной модернизации в России.

Литература

1. Медведев Д. А. Россия, вперед! // <http://www.kremlin.ru/news/5413/>
2. Кто есть кто. Биографии. // <http://www.whoiswho.su/Rostov/?&b=3> (дата обращения: 19.09.2009).
3. Дейнека О. С. Экономическая психология: Учеб. пособие. - СПб: Изд-во С-Петербурб. ун-та, 2000.
4. Филиппов А. В., Ковалев С. В. Психология и экономика // Психологический журнал. 1989. №1. с. 22-31.
5. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
6. Тихонова Н.Е. Трансформационные процессы в сознании россиян: аксиологический аспект // Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании. М, 1996.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990 - 347.
8. Нуреев Р.М. Россия после кризиса — эффект колеи //Журнал институциональных исследований. Т.2, № 2. 2010. с.7-27.
9. Щербаков Б. Вечно красные // <http://www.vedomosti.rU/smartmoney/article/2008/08/18/6062>.

УДК 321.17

Зорько И.С.

Политическая партия «Справедливая Россия» как субъект оппозиции и гражданского общества

Правящие партии, достаточно длительное время находящиеся власти, являются в первую очередь политическим институтом государства. Оппозиционные политические партии, которые выражают интересы части граждан, выполняют функции посредников между государством и гражданским обществом. В России это КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», а также внесистемная оппозиция. В статье рассматривается пример партии «Справедливая Россия», которая в настоящее время стремится стать авангардом гражданского общества, системной и внесистемной оппозиции в России.

Ключевые слова: политические партии; общественная организация

Проблема выявления места политических партий в рамках взаимоотношений гражданского общества и политической системы является одной из самых неурегулированных в научной литературе. В любом определении политической партии обязательно содержится указание и на задачу борьбы за политическую власть, и на функцию объединения максимально большего количества граждан по идеологическому критерию, и на ее организационно-правовой статус.[1] Но по своему историческому происхождению и основной сфере деятельности, функциональному предназначению феномен партии в большей степени представляет собой именно общественно-политическое объединение, чем сугубо политическую организацию, ориентированную на захват власти или овладение особым правовым статусом. Политическая партия как общественное объединение имманентно является участником граждан-